

<ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ>

(До 23 марта 1877 года). Я сидела в бильярдной, вдруг в дверях показался Салтыков в пальто и в шляпе и делал мне какие-то знаки. Я выскочила.

- Остановили третий номер "Отечественных записок"!

- За что?

- А черт их знает! - и посыпалась брань.

- Как же теперь сказать брату?

- Не нужно ничего говорить. Я сейчас был у Киевского, он хочет через кого-то хлопотать, и я тоже еду. Зайду на минутку к Николаю Алексеевичу.

- Да брат только что послал в контору, чтобы ему прислали два экземпляра.

- На что ему два экземпляра, что он в двух, что ли, будет читать? Пошлите к Краевскому, у него, верно, есть пробная, пусть принесут, а двух ему не надо, зачем ему две! Какой странный человек: во всех комнатах чтобы по книжке лежало.

Салтыков пошел к брату и, повернувшись <повертевшись?> с минуту, вышел, чтобы отправиться хлопотать. Между тем принесли книгу от Краевского (пробную с опечатками). Пересматривая свои стихи¹, брат нашел, конечно, те же самые ошибки и велел позвать Чижова и упрекал его за невниманье. Чижов безмолвно выслушивал незаслуженные упреки. Через час вернулся Салтыков и привез с собою Елисеева, кажется, затем, чтобы вместе сказать брату, что третий номер заарестован, но передумали и, поговорив с посторонних предметах, ушли. Но у брата явилось подозрение. "Что они меня морочат? - сказал он. - Разве я не понимаю. Какое вдруг участие, вместе пришли навестить!! Никогда этого прежде не было. Что, запретили, что ли?" Но внимание его было отвлечено другим обстоятельством. Отпечаталась седьмая часть - "Последние песни"² и должна была до святков поступить в цензуру, но сверх ожидания прием был прекращен днем раньше, и дело откладывалось до Фоминой недели. Брат был очень расстроен - выход книги отсрочивался на три недели. "Для меня, - говорит он, - это целая вечность, когда каждый день может быть последним. Я хотел бы, по крайней мере, успокоиться насчет судьбы моей книги. Пошли,-- сказал он мне, - за Скороходовым, вели ему съездить к цензору Лебедеву и попросить, нельзя ли принять не в очередь и просмотреть". Но Лебедев сказал, что без разрешения Петрова он не может ничего сделать. Брат продиктовал мне письмо к Петрову, где просил его разрешить Лебедеву просмотреть частным образом, но передумал послать письмо: "Не хочу я у них ничего просить. Пусть будет как будет". На столе лежали только что записанные мною стихи "Черный день". Брат взглянул на них: "Поправь, пожалуйста, там, напиши: "Друзей, врагов и цензоров"³.

23 марта. Пришел Ф. М. Достоевский, брата связывали с ним воспоминания юности (они были ровесники), и он любил его. "Я не могу говорить, но скажите ему, чтобы он вошел на минутку, мне приятно его видеть". Достоевский посидел у него недолго. Рассказал ему, что был удивлен сегодня, увидав в тюрьме у арестанток "Физиологию Петербурга"⁴. В тот день Достоевский был особенно бледен и усталый, я спросила его о здоровьи. "Нехорошо, - отвечал он, - припадочки падучей все усиливаются, в нынешнем месяце уже пять раз повторились, последний был пять дней тому назад, а голова все еще не свежа, не удивитесь, что я сегодня все смеюсь; это нервный смех, у меня всегда бывает после припадочки". <...>

25 марта. Я решилась, не говоря брату, однако, попытать счастья и попросить лично Петрова. Я приехала к нему около 11 часов, он только что воротился из церкви. Я воспользовалась этим, объяснив ему, в чем дело, сказала, что долг всякого христианина успокоить, если ему представляется возможность, умирающего, что все стихи уже были предварительно помещены в "Отечественных записках". Он начал перелистывать книгу и остановился на последнем стихотворении, над этой "отходной", которую брат написал себе. Я следила за выражением лица цензора, - я думала - не может же быть, чтобы у него не дрогнуло сердце, но ни один мускул не шевельнулся на его мясистом лице. Передо мной сидел цензор и пережевывал каждое слово; наконец, причмокнул своей толстой губой: "А что это значит: "Еще вчера мирская злоба"⁵, какая это злоба?" Я очень хорошо знала, к чему это относилось, но я это скрыла и объяснила, что такие люди, как Некрасов, имеют много врагов, не раз уже на него клеветали и теперь, может быть, взвели какую-нибудь небылицу. "Да, об нем говорят много нехорошего, но неужели же он читает, что о нем пишут". - "Нет, но, может, случайно попало что-нибудь", - отвечала я наивно. Он обещал, что если книга не представляет ничего злобного, выпустить ее через несколько дней. Я приехала к брату; так как он был в спокойном состоянии, то ему и сказала, что я была у Петрова, что он обещал исполнить его желание⁶. <...>

II

ЗАМЕТКА

Почему многие стихи брата не вошли при жизни в "Последние песни" и почему некоторые из вошедших были сокращены, между прочим, "Уныние", из которого выпущено несколько прелестных, живописных, но мрачных картинок⁷. <...>

В следующем издании их следует восстановить в тексте (теперь они в примечаниях, это моя вина).

Издавая "Последние песни" в последний год своей жизни, брат выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему, во время болезни, крайне придирчиво. Он поместил только самые, по его мнению, невинные, боясь, чтобы книга не подверглась аресту - выдержав только что цензурную бурю. Несмотря на все усилия отстоять только что написанную в Крыму новую часть поэмы "Кому на Руси жить хорошо" - "Пир на весь мир", - усилия не увенчались успехом. "Пир", напечатанный уже в "Отечественных записках", был по распоряжению председателя Цензурного комитета Григорьева - вырезан. Я помню канун этого дня. Когда номер "Отечественных записок" был арестован в типографии за стихотворение Некрасова⁸, брат послал за цензором Петровым и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападок. Он указывал на множество мест в предшествовавших частях той же поэмы, которые, с точки зрения цензоров, скорее могли бы были подвергнуться запрещению; разъяснял ему чуть не каждую строчку в новой поэме, то подсмеиваясь над ним ядовито, то жестоко пробирая и его, и всю клику. Петров выслушивал все упреки терпеливо. Понимал ли он всю скорбь поэта, которому заботливая цензура - в напутствии его в вечность - в последний раз залезала в мозг с своими адскими ножницами, чтобы очистить мысли от "канупера", или просто томился бесплодностью прений, зная наперед, что: "хоть ты сейчас умри, а мы все-таки не пропустим". Петров пыхтел, сопел и отирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: "Да успокойтесь, Николай Алексеевич", или: "Вот поправитесь, переделаете - тогда и пройдет".

Примечания

Во время болезни Некрасова А. А. Буткевич в 1876 ~? 1877 годах вела дневниковые записи, которые, видимо, сохранились неполностью. По содержанию к ним примыкает и ее "Заметка" о цензурных мытарствах поэта в последний год его жизни, написанная ею после смерти брата.

Печатается по изданию: "Литературное наследство", т. 49--50, Изд-во АН СССР, 1946, стр. 171--175. Публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера.

¹ Стр. 441. В этой книжке "Отечественных записок" печатались стихотворение Некрасова "Баюшки-баю" и отрывки из поэмы "Мать".

² Стр. 441. В 1873--1874 гг. было выпущено шестое издание "Стихотворении" Некрасова, состоявшее из шести частей; "Последние песни" (1877) явились приложением к этому изданию.

³ Стр. 441. Речь идет о стихотворении:

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров... (II, 427)

Этот же эпизод в записях А. А. Буткевич имеет еще один вариант: "Не получая известия, согласился ли Лебедев просмотреть не в очередь книгу брата, он ужасно сердился на управляющего, что не дает ответа. "Пошли ты за этим олухом и спроси, что он там сделал". Пришел управляющий и объявил, что Лебедев без разрешения Петрова не может рассматривать книги, но что если Петров назначит его, то он с удовольствием займется этим на праздниках. Брат продиктовал мне письмо к Петрову, но потом просил изорвать: "Не хочу я ничего у них просить. Пусть будет как будет", и велел поправить стихи "Черный день" (ЛН, т. 49--50, стр. 172).

⁴ Стр. 441. "Физиология Петербурга" - один из сборников (вышло два), изданных Некрасовым в 1845 г., в которых приняли также участие Белинский, Григорович, Панаев, Даль и др.

⁵ Стр. 442. Из стихотворения "Баюшки-баю" (1877).

⁶ Стр. 442. "Последние песни" вышли в свет 2 апреля 1877 г.

⁷ Стр. 443. В первых публикациях стихотворения "Уныние" (1875) по цензурным причинам строфы V--VII были сняты.

⁸ Стр. 443. Цензурная история поэмы "Пир на весь мир" излагается А. А. Буткевич неточно. См. прим. 4 к стр. 431.